

DOI: 10.17516/1997-1370-0910

EDN: OPFQWN

УДК 343.3/.7

Protection of Historical Truth: a New Task of Russian Law

Georgii L. Moskalev*

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

Shanghai University of Political Science and Law

Shanghai, People's Republic of China

Received 18.03.2022, received in revised form 25.04.2022, accepted 26.04.2022

Abstract. The purpose of the presented article is to define the concept of «historical truth». The necessity of solution of this problem is due to the inclusion in the Constitution of Russia in 2020 of a norm prescribing the protection of historical truth, as well as the setting of similar tasks in the new National Security Strategy of Russia. The purpose of the work is achieved by interpreting 23 documents posted in the legislative support system, as well as analyzing doctrinal sources devoted to or affecting the issue of determining historical truth. The synthesis of the obtained results leads to the conclusion that the historical truth is socially significant reliable information about historical events related to the defense of Russia, and, mainly, the history of the Second World War, which requires protection from its change, consisting of precisely confirmed historical facts. This definition made it possible to determine the starting points for subsequent rulemaking aimed at solving the problem of protecting historical truth. Understanding historical truth as information corresponding to objective reality implies a prohibition on distortion, falsification of historical facts, but not on their evaluation, which provides a balance between freedom of speech and protection of historical truth. On the basis of this thesis, restrictions on the use of evaluative features in prospective compositions of offenses and crimes designed to ensure the protection of historical truth are justified. The formulated concept of historical truth makes it possible to detect norms aimed at protecting it in the current legislation, which is illustrated in the work by the example of articles 243.4 and 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, the well-founded concept of historical truth creates the necessary prerequisites for further legal steps to ensure its protection in compliance with the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: historical truth; historical memory; historical fact; rehabilitation of Nazism; constitutional reform; national security; the Great Patriotic War; illegal dissemination of information.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: eucaliptus@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0418-0227

Research area: law.

Citation: Moskalev, G.L. (2022). Protection of historical truth: a new task of Russian law. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(8), 1070–1081. DOI: 10.17516/1997-1370-0910

Охрана исторической правды: новая задача российского права

Г.Л. Москалев

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Шанхайский политико-юридический университет

Китайская Народная Республика, Шанхай

Аннотация. Целью статьи является определение понятия «историческая правда». Необходимость решения этой проблемы обусловлена включением в 2020 г. в Конституцию России нормы, предписывающей обеспечить защиту исторической правды, а равно постановкой аналогичных задач в новой Стратегии национальной безопасности России. Цель работы достигается путем толкования 23 документов, размещенных в системе обеспечения законодательной деятельности, а равно анализа доктринальных источников, посвященных или затрагивающих вопрос определения исторической правды. Синтез полученных результатов приводит к выводу о том, что историческая правда – это требующая охраны от ее изменения социально значимая достоверная информация об исторических событиях, связанных с обороной России и, главным образом, с историей Великой Отечественной войны, состоящая из точно подтвержденных исторических фактов. Данная дефиниция позволила определить исходные точки для последующего нормотворчества, направленного на решение задачи по защите исторической правды. Понимание исторической правды как информации, соответствующей объективной действительности, предполагает запрет на искажение, фальсификацию исторических фактов, а не на их оценки, что обеспечивает баланс между свободой слова и защитой исторической правды. На основе этого тезиса обосновываются ограничения на использование оценочных признаков в перспективных составах правонарушений и преступлений, призванных обеспечить охрану исторической правды. Сформулированное понятие исторической правды позволяет обнаружить нормы, направленные на ее защиту в действующем законодательстве, что проиллюстрировано в работе на примере статей 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса РФ. Таким образом, обоснованное понятие исторической правды создает необходимые предпосылки для дальнейших правовых шагов по обеспечению ее защиты во исполнение Конституции РФ.

Ключевые слова: историческая правда, историческая память, исторический факт, реабилитация нацизма, конституционная реформа, национальная безопасность, Великая Отечественная война, незаконное распространение информации.

Научная специальность: 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Введение

Вопрос правовой охраны исторической правды начал активно обсуждаться в 2020 г. Главной причиной этого стало вступление в силу Закона РФ № 1-ФКЗ, в соответствии с которым в Конституцию РФ была включена ст. 67.1. Часть 3 новой статьи основного закона страны провозгласила: *«Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»*. Данное изменение акта высшей юридической силы впервые нормативно поставило вопрос защиты исторической правды средствами национальной правовой системы.

Новая конституционная норма стремительно вошла в информационную и законотворческую повестку, причем еще до проведения всенародного голосования в июне, по результатам которого поправки в основной закон 2020 г. приобрели юридическую силу: направления предстоящих конституционных изменений начали освещаться уже с января 2020 г. Подтверждают данный тезис материалы, размещенные в системе обеспечения законодательной деятельности, согласно данным которой историческая правда упоминается в 7 проектах правовых актов, размещенных в 2020 г., 6 из которых – с января по май. Всего же за 2020–2021 гг. упоминание исторической правды встречается в 12 проектах правовых актов, размещенных в системе. Для сравнения в 2018–2019 гг. таких документов всего 2, а за весь период работы системы законодательной деятельности до 2020 г. – 10.

Приведенные цифры демонстрируют серьезный количественный рост интереса субъектов нормотворчества к теме защиты исторической правды, очевидно, обусловленный включением в Конституцию РФ ч. 3 ст. 67.1.

Качественный рост значения защиты исторической правды в политико-правовой повестке иллюстрирует ее место в новой Стратегии национальной безопасности РФ (далее – Стратегия). В частности, в разделе об информационной безопасности указы-

вается, что «по политическим причинам пользователям сети “Интернет” навязывается искаженный взгляд на исторические факты» (п. 53). В разделе, посвященном защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, говорится: «Участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти» (п. 88). В п. 93 Стратегии задача защиты исторической правды ставится дважды в подпунктах 2 и 11. Кроме того, противодействие попыткам фальсификации истории и защита исторической правды указывается в качестве самостоятельной задачи в разделе «Стратегии», посвященном стратегической стабильности и взаимовыгодному международному сотрудничеству (пп. 21 п. 101).

Для сравнения, в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. лишь в п. 81 отмечалось: «Негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории», а словосочетание «историческая правда» в тексте не упоминалось ни разу. Отсутствовало оно и в Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в 2015 г., в которой в п. 21 содержалось только указание на «стремление некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории».

Таким образом, задача по охране исторической правды и исторической памяти нашла отражение в Конституции РФ и Стратегии национальной безопасности РФ, а ее выполнение средствами права становится предметом дальнейшей нормотворческой деятельности. Ключевой проблемой на этом пути является неопределенность самого понятия исторической правды. В отсутствие ее решения поставленные задачи рискуют в лучшем случае остаться декларациями, а в худшем – превра-

тятся в оправдание для нормотворчества, никакого содержательного отношения к их решению не имеющего. В изложенных условиях определение исторической правды для целей права становится необходимым.

Понятие исторической правды в правовых актах

Проблема правового определения исторической правды состоит не просто в отсутствии ее нормативной дефиниции, но и в том, что до конституционных изменений 2020 г. данная категория вообще не появлялась в нормах ни российского, ни советского права, согласно данным справочной правовой системы «Консультант Плюс».

Проведенный нами анализ текстов ненормативных правовых актов и их проектов, опубликованных до начала процесса по изменению Конституции РФ в 2020 г. (из них окончательно приняты только два), демонстрирует, что словосочетание «историческая правда» встречается в них редко, в единичных случаях в каждом источнике. При этом авторы никогда не акцентируют внимание на значении этой категории.

Проиллюстрируем данный тезис. Так, в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О статусе детей Великой Отечественной войны» сказано, что «дети войны имеют большой культурный, научный и интеллектуальный потенциал и в настоящее время работают по передаче традиций патриотизма обществу в целом и молодежи в школах, колледжах, музеях, не давая забыть историческую правду о народе – победителе!». В проекте заявления Государственной Думы РФ «Об исторических уроках и о недопустимости притеснения христиан в современном мире» указывалось, что «искажение исторической правды приводит к катастрофическим последствиям для всей мировой цивилизации».

Тем не менее в использовании понятия «историческая правда» все же можно обнаружить определенные закономерности. Во всех 23 документах, размещенных в системе обеспечения законодательной

деятельности, историческая правда предстает как объект, требующий охраны. В одних случаях об этом говорят слова «сохранять» (в 1 документе), «отстаивать» (в 1 документе), «защищать» (в 10 документах). В других – обозначают угрозы исторической правде, указывая их словами «пересматривать» (в 1 документе), «забывать» (в 2 документах), «искажать» (в 6 документах). Напомним, что в приведенных выше положениях Стратегии национальной безопасности РФ от 02.07.2021 аналогично историческая правда упоминается в связи с необходимостью ее защиты от искажения и фальсификации. Следовательно, историческая правда в правовых актах и их проектах представляет собой социально значимую информацию, которая требует охраны от ее изменения.

Кроме того, в 21 документе из числа проанализированных историческая правда упоминается в связи с военной историей России, в 11 из которых с историей Великой Отечественной войны (в остальных случаях без связи с конкретными историческими событиями).

В этой связи стоит обратить внимание, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции также говорит об исторической правде в контексте памяти о защитниках Отечества и подвига народа при защите Отечества. Ясно, что норма говорит о защите правды о военной истории, о событиях, связанных с обороной России (защитой Отечества). При этом не все такие события имеют одинаковое социально-политическое значение. Поэтому особое внимание и уделяется защите исторической правды именно о Великой Отечественной войне – самой трагической и в то же время самой национально объединяющей странице российской истории. Не случайно, что в год принятия поправок в Конституцию РФ президент России в своих выступлениях отмечал особую опасность героизации нацизма. Так, на церемонии открытия центра архивных документов В.В. Путин указал, что правда о Второй мировой войне за рубежом порой целенаправленно замалчивается на государственном уровне, добавив: «Мы заткнем поганый рот, который откры-

вают некоторые деятели за бугром для того, чтобы достичь сиюминутных политических целей, мы заткнем его правдивой фундаментальной информацией». На пресс-конференции 17 декабря 2020 г. он заявил: «Что касается Великой Отечественной войны, то вы знаете, мы сейчас вскрываем архивы, мы публикуем архивные материалы, мы создаем определенные структуры, которые на постоянной основе будут этим заниматься. Я уже много раз говорил, что вот это переписывание истории – оно делается в угоду сиюминутным политическим конъюнктурам и в конечном итоге пойдет во вред тем, кто это делает. В том числе это касается героизации нацизма».

В этой связи не удивительно, что исследователи, обратившие свое внимание на рассматриваемую тему, прямо ассоциируют появление новой конституционной нормы с попытками переписывания истории именно Великой Отечественной войны (Drozdova, 2021: 104; Kunyaev, 2020: 6; Cherdzhemov, 2021: 128).

Таким образом, на основе анализа ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ и всех 23 случаев использования рассматриваемого понятия в правовых актах и их проектах, размещенных в системе обеспечения законодательной деятельности, можно сделать предварительный вывод о том, что историческая правда – это требующая охраны от ее изменения социально значимая информация об исторических событиях, связанных с обороной России, и, главным образом, об истории Великой Отечественной войны.

Понятие исторической правды в науке

Тем не менее для понимания того, какая именно информация охватывается понятием «историческая правда», сделанного вывода недостаточно. В поисках направлений его конкретизации следует обратиться к научным источникам.

Подобно тому, как это произошло в сфере нормотворчества, всплеск интереса к исторической правде в науке также неразрывно связан с поправкой к Конституции РФ 2020 г. По данным электронной науч-

ной библиотеки Elibrary.ru, словосочетание «историческая правда» встречается в названиях и/или ключевых словах 427 индексируемых публикаций, изданных с 1980 г. по настоящее время. Из них 165 вышли в свет в 2020–2021 гг. Нельзя не отметить, что публикации правовой тематики в этой выборке до 2020 г. практически не встречаются.

Не становится удивительным отсутствие комплексных диссертационных исследований, посвященных исторической правде. Электронная библиотека диссертаций Российской государственной библиотеки содержит лишь 5 авторефератов, в названиях которых присутствует понятие «историческая правда». Интересно отметить, что все они посвящены филологическим наукам. В целом, обзор публикаций, посвященных исследованию художественных произведений, демонстрирует, что противопоставление исторической правды и художественного вымысла в их названиях является своеобразным клише для подобного рода работ, в том числе и современных (Antsyferova, 2021; Stepanova, 2021). Среди авторефератов, размещенных в РГБ, один не содержит понятие «историческая правда» в своем тексте после заголовка (Usmonova, 2012). В трех других рассматриваемое понятие не раскрывается. При этом из контекста становится ясно, что историческая правда представляется авторам работ как «действительность в прошлом» (Akhmetova, 1995: 29), «историческая действительность» и «исторические события» (Makhmadiev, 1995: 9), отраженные в «документах, исторических свидетельствах, служебной и личной переписках» (Zhutrbayev, 1992: 11). Наиболее последовательным видится подход, изложенный в работе Х.К. Утемуратовой, в рамках которого автором было предложено собственное определение исторической правды в литературе: «Это объективная истина, которая произошла в определенный промежуток времени. Историческая правда состоит из фактов» (Utemuratova, 1992: 10). Тем не менее говорить о сложившемся в науке понимании исторической правды не приходится.

Что же касается правовых исследований, затрагивающих вопросы исторической правды, подавляющая доля которых, как было сказано выше, опубликована в 2020–2021 гг., то в большинстве из них содержатся лишь фрагментарные суждения о рассматриваемом изменении основного закона страны. Так, на страницах работ отмечается, что поправка об исторической правде является ответом на недобросовестную коррекцию исторических фактов, информационные инсинуации, а также осквернение и даже разрушение в некоторых зарубежных странах воинских захоронений и памятников (Khabrieva, 2020). Часто авторы указывают на идеологический (Astafichev, 2021: 120; Cherepanov, 2020: 36), духовно-нравственный (Aver'ianova, 2021) или мировоззренческий характер данного изменения Конституции РФ, который переводит «духовно-нравственное содержание национальной идентичности в категорию национальной идентичности» (Mazaev, 2021: 27; Iusubov, 2021: 15). При этом исследователи отмечают опасность необдуманного подчинения дальнейшего нормотворчества новым идеологическим ориентирам (Gritsenko, 2020; Kondrashev, 2021). С последним тезисом сложно спорить: целесообразность исследования содержания понятия «историческая правда» перед разработкой и принятием норм во исполнение ч. 3 ст. 67.1 Конституцией РФ проиллюстрирована в предшествующем разделе настоящей работы и является причиной ее написания.

В связи с изложенным необходимо обратиться к исследованиям авторов, предлагающих существенные признаки исторической правды. Позиции ученых по этому вопросу можно условно разделить на две группы.

Первой из них природа исторической правды представляется объективной, точнее – соответствующей объекту. В рамках этой позиции историческая правда представляет собой знание о прошлом, основанное на точно подтвержденных исторических фактах (Basova, 2021: 32; Sazonnikova, 2020: 29), или, исключая тавтологию, сово-

купность исторических фактов. Разумеется, исторический факт не формируется без участия человека, поскольку представляет собой «достоверное знание о событиях и процессах социального прошлого, где чувственное и рациональное знание синтезированы, а общее – обязательно облечено в единичную и особенную формы, знание которое строго фиксировано по отношению к определенным историческим явлениям и относительно завершено в самом себе» (Rakitov, 1982: 192). Но в то же время исторический факт соответствует объекту. В этом состоит его ценность. Стоит согласиться с М. А. Кожевиной в том, что исторический факт существует лишь как результат научной работы историка, необходимыми условиями которой выступают: «репрезентативность источниковой базы; добросовестность исследователя; объективность, доказанность, проверяемость и воспроизводимость факта; публичное признание установленного факта профессиональным сообществом, популяризация научного знания о факте» (Kozhevina, 2021: 11). Исторический факт как составляющая исторической правды является результатом выявления и описания события прошлого, а не его интерпретации (Kozhevina, 2021: 11). На то, что интерпретация отдаляет историка от исторической правды, указывают и зарубежные исследователи (Guandalini, 2020; Sherwin, 1994).

Вторая группа ученых считает, что историческая правда имеет субъективную природу. Так, П. А. Астафичев в поддержку этого тезиса указывает, что события прошлого могут переоцениваться потомками, забываться или искажаться (Astafichev, 2020: 10). Субъективную природу правды видит и В. С. Уакиев. Автор противопоставляет ей истину, полагая что последняя выражает соответствие наших знаний о мире самому миру, а правдой становится лишь та истина, в которую верит человек (Uakiev, 2019: 68). На разграничении правды и истины настаивают и некоторые другие авторы (Presniakov, 2018: 70).

В противовес такому подходу можно привести понятие правды согласно толко-

вым словарям русского языка, в которых она определяется как синоним истины, как то, что есть на самом деле (Ushakov, 2008) и существует в действительности, соответствует реальному положению вещей (Ozhegov, 1994). Следовательно, историческая правда – это информация, соответствующая исторической действительности, адекватно отражающая события, произошедшие в прошлом.

Несколько иной позиции придерживается М. В. Пономарев. Автор соглашается с тем, что правда тождественна истине, но при этом предлагает понимать историческую правду в контексте ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ как историческую память (Ponomarev, 2021: 254). Это понятие по сравнению с исторической правдой уже с конца XX в. гораздо чаще появляется в научных текстах (Tishkov, 2018: 12), публицистике и бытовом общении. Число упоминаний исторической памяти в правовых актах также преобладает над исторической правдой. С 2020 г. эти понятия в официальных правовых текстах обычно указываются совместно через соединительный союз «и», что в достаточной мере иллюстрируют примеры, приведенные выше на страницах настоящего исследования. Подобное использование понятий в праве уже само по себе говорит об их различном содержательном наполнении.

В науке под исторической памятью понимают феномен сознания, существующий как на индивидуальном, так и на социальном уровне (Sinitsina, 2008: 9). Историческая память является личностным образованием, которое включает индивидуальные исторические воспоминания, лично значимые исторические события и целостный образ истории (Tregubenko, 2013: 5). На коллективном уровне историческую память можно представить как набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого (Sidorova, 2012: 85) или виртуальный континуум, отражающий особенности национального менталитета, архетипические образы, мировоззренческую рефлексию,

нелинейное сочетание образовательных, культурно-просветительских и научно-исследовательских дискурсов, художественные формы репрезентации прошлого (Ponomarev, 2021: 254). Из изложенного следует, что историческая память формируется субъективно и в силу этого не обязательно корректно отражает события прошлого. Поэтому некоторые ученые вообще не считают исследования исторической памяти в чистом виде историческими (Nikiforov, 2018: 81).

Рассмотренные позиции относительно природы исторической правды и ее соотношения со смежными категориями в целом соответствуют двум основным подходам, сложившемся в исторической науке, относительно ее предмета (Lonchinskaia, 1993: 14; Krom, 2018: 7). Очевидно, дискуссия на эту тему внутри исторической науки не несет в себе ничего плохого и будет продолжаться. Однако для обеспечения перспективного нормотворческого процесса требуется однозначное понимание конституционных положений. Нет сомнений, что историческая память обладает своей культурной ценностью, но в то же время закрепление требования защищать что-либо потенциально ложное в Конституции страны было бы немыслимо.

Становится ясно, почему более распространенному и изученному понятию «историческая память» предпочли новое. В связи с тем, что историческая память, как следует из изложенного, может и некорректно отражать события прошлого, ее правовая охрана необходима лишь в той части, которая соответствует исторической правде. Поэтому указание в ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ на защиту исторической правды без исторической памяти дает правильный ориентир для дальнейшего нормотворчества и представляется достаточным.

Заключение

Синтез определений исторической правды в науке, правовых актах и их проектах позволяет сформулировать ее понятие применительно к ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ. Историческая правда – это требующая

охраны от ее изменения социально значимая достоверная информация об исторических событиях, связанных с обороной России и, главным образом, историей Великой Отечественной войны, состоящая из точно подтвержденных исторических фактов.

Данная дефиниция позволяет определить направления для последующего выполнения задачи по защите исторической правды, нашедшей отражение в Конституции РФ и новой Стратегии национальной безопасности РФ.

Во-первых, из определения можно уяснить границы такой защиты. Авторы, выступающие за субъективное понимание природы исторической правды, более всего опасаются неоправданного ограничения свободы слова. С нашей же точки зрения, именно такой подход и открывает дверь для установления идеологических запретов на распространение частных позиций о событиях прошлого. Предложенное понимание исторической правды как информации, соответствующей объективной действительности, предполагает запрет на искажение, фальсификацию исторических фактов, а не на их оценки. Там образом, обнаруживается баланс между свободой слова и защитой исторической правды.

Данный тезис имеет практическое значение для перспективного установления уголовно-правовых запретов. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, данными в Постановлении от 22.12.2015 № 58, признаки состава преступления отражают характер его общественной опасности. Науке уголовного права известно деление признаков на имеющие постоянное значение и оценочные признаки. Последние не раскрываются в точно определенных, абсолютных значениях, а устанавливаются в процессе применения нормы с учетом конкретных обстоятельств дела на основе правосознания субъекта (Pitetskii, 1993: 24). В связи с тем, что историческая правда, как было показано выше, понимается как часть исторической действительности, диспозиция статьи, направленная на ее охрану, не должна содержать оценочных признаков, относящихся к объ-

екту преступления. Очевидно, что условная историческая ложь не соответствует действительности прошлого вне зависимости от сознания правоприменителя. Соответственно, объективная сторона такого состава не может включать действия, выразившиеся в субъективной оценке событий прошлого, если само событие происходило в действительности.

Во-вторых, понимание сущности исторической правды позволяет определить, какие нормы действующего законодательства направлены на ее защиту. Исследователи предлагают различные варианты защиты исторической правды вплоть до заключения соответствующих международных договоров (Khizhniak, 2020: 215). С нашей точки зрения, подобные шаги следует предпринимать только после анализа системы действующих норм, ее обеспечивающих. В противном случае существует риск нарушения системы правовой охраны.

Безусловно, на искомую роль в первую очередь претендует ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Фактический, объективный характер информации о прошлом, запрет на фальсификацию которой необходимо обеспечить в целях охраны исторической правды, может быть придан через ее документальное, правовое закрепление. Ранее мы указывали, что установление исторического факта – составляющего исторической правды является задачей историка. Интерпретация информации о прошлом, ее правовая оценка при этом могут быть осуществлены юристом. Само же событие вынесения такой оценки при соблюдении прочих условий само по себе становится историческим фактом. Наиболее наглядно этот тезис ученые иллюстрируют на примере приговора Нюрнбергского трибунала (Resta, 2013). В этой связи запрет отрицания не любых фактов о Великой Отечественной войне, но установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), закрепленный в ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, полностью отвечает критерию объективности охраняемой исторической правды.

Память о событиях прошлого может сохраняться в символике, праздниках, предметах материальной культуры. На охрану этой части исторической правды направлен запрет, установленный в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ: «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично».

В едином контексте с обозначенным изменением Конституции РФ и усилением общественно-политического дискурса по вопросу охраны исторической правды и исторической памяти находится введение в 2020 г. в УК РФ новой ст. 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России». Поэтому не удивительно, что содержание этого запрета также относится к рассматриваемой теме. Указанные в названии статьи объекты материального мира, с одной стороны, направлены на увековечение исторической памяти, а с другой – служат средством объективизации правды о событиях прошлого.

Понятие исторической правды позволяет обнаружить запреты, направленные на ее защиту, и в КоАП РФ. Например, ст. 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или сим-

волики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами». Тем не менее вопрос определения полного перечня действующих норм охранительных отраслей права, обеспечивающих защиту исторической правды, выходит за рамки предмета текущего исследования.

Таким образом, обоснованное понятие исторической правды создает необходимые предпосылки для дальнейших правовых шагов по обеспечению ее защиты во исполнение Конституции РФ.

Основные тезисы представленного исследования прошли апробацию в ходе выступлений с докладами на пяти научных мероприятиях: 2021 International Conference on the Cooperation and Integration of Industry, Education, Research and Application, 1st China-Russia Roundtable on Law (Jilin University, 17.09.2021); X Международная научно-практическая конференция «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран» (Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 01.10.2021); Межведомственная научно-практическая конференция «Стратегии противодействия экстремизму» (Московская академия Следственного комитета РФ, 28.10.2021); Международная научно-практическая конференция «Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы» (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 16.11.2021); VI научный форум «Нюрнбергский процесс: история и современность» (Университет Прокуратуры РФ, 24.11.2021).

Список литературы / References

Akhmetova, K.S. (1995). *Istoricheskaja Pravda v khudozhestvennom proizvedenii (na osnove romana-esse «Ternistii put'» S. Seifullina) [Historical Truth in a work of Fiction (based on the novel-essay «The Thorny Path» by S. Seifullin)]*. Almaty, 29.

Antsyferova O. Yu. (2021). *Vzaimodejstvie istoricheskoi pravdy i khudozhestvennogo vymysla v metamodernistskom romane Ali Smit «Kak byt dvymia» [The Interaction of Historical Truth and Fiction in Ali Smith's metamodern novel «How to Be Two»] // In Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki [Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities]*, 3, 13–20.

Astafichev, P.A. (2020). Obespechenie zashchity istorichaskoi pravdi kak novii printsip v konstitutsionnom prave Rossii [Ensuring the protection of historical Truth as a new Principle in the Constitutional Law of Modern Russia]. In *Pravoprimerenie [Law enforcement]*, 4(4), 5–11.

Astafichev, P.A. (2021). Istoricheskaiia pravda kak kategoriia sovremennogo konstitutsionnogo prava: opyt konstitutsionnikh popravok 2020. [Historical Truth as a category of Modern Constitutional Law: the Experience of Constitutional Amendments in 2020]. In *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL)]*, 5 (81), 116–121.

Aver'ianova, N.N. (2021). Kategorii «obshchee» i «lichnoe» v konstitutsionnom prave Rossii [Categories «general» and «personal» in the constitutional law of Russia]. In *Aktualnye problem rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]*, 7, 44–51.

Basova, A.V. (2021). Konstitutsionnaia okhrana istoricheskoi pravdy: problem realizatsii [Constitutional protection of historical truth: problems of implementation]. *Materiali XII Mezhdunarodnogo Konstitutsionnogo foruma «Stabil'nost I dinamizm rossiiskoi Konstitutsii» [Materials of the XII International Constitutional Forum «Stability and Dynamism of the Russian Constitution»]*. Saratov, 31–33.

Cherdzhemov, S.R. (2021). Konstitutsionnoe stroitel'stvo v Rossiiskoi Federatsii: k voprosu o zashchite istoricheskoi pravdy [Constitutional Construction in the Russian Federation: on the Protection of Historical Truth]. In *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL)]*, 5(81), 122–129.

Cherepanov, V.A. (2020). O neobhodimosti i tselesoobraznosti konstitutsionnikh izmenenii [On the necessity and expediency of constitutional changes]. In *Rossiiskaia Yustitsiia [Russian Justice]*, 8, 35–38.

Drozdova, A.M., Komarov, S.A. (2021). Novelly v Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Novelties in the Constitution of the Russian Federation]. *Materialy V obshcherossiiskogo yuridicheskogo foruma [Materials of the V All-Russian Legal Forum]*. Ufa, 98–105.

Gritsenko, E.V. (2020). Federalizm i mestnoe samoupravlenie v svete rossiiskoi konstitutsionnoi reform 2020 goda [Federalism and local self-Government in the light of the Russian Constitutional Reform of 2020]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*, 4, 80–97.

Guandalini, W., Mazarotto, E.B. (2020). Historical truth and right to truth: theoretical proposals over Hayden White's thought. In *Quaestio Iuris*, 13(3), 1375–1396.

Habrieva, T. Ia., Klishas, A.A. (2020). *Tematicheskii kommentarii k Zakonu Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 14 marta 2020. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniia ot del'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniia publichnoi vlasti» [Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ «On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power»]*. Moscow, Norma. InFRA-M, 240.

Iusubov, E.S. (2021). Znaki i znacheniiia popravok k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Signs and meanings of amendments to the Constitution of the Russian Federation]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*, 7, 11–16.

Khizhniak, V.S. (2020). Stat'ia 67 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i problema ee realizatsii v mezhdunarodnikh otnosheniiakh [Article 67 of the Constitution of the Russian Federation and the problem of its implementation in international relations]. In *Tsivilistika: pravo i protsess [Civil Law: Law and Process]*, 3(11), 212–215.

Kondrashev, A.A. (2021). Konstitutsionnye popravki – 2020: o kolliziiakh i defektakh, porozhdayushchikh neustranimye konflikty mezhdru «vechnymi glavami» i glavami 3–8 Konstitutsii Rossii [Constitutional Amendments 2020: on Collisions and defects that Generate irremediable conflicts between the «eternal chapters» and Chapters 3–8 of the Constitution of Russia]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*, 3, 18–29.

Kozhevina, M.A. (2021). Realizatsiya stat'i 67.1 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii v kontekste nauchnogo istoriko-pravovogo opyta [Implementation of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation in the context of scientific historical and legal experience]. In *Pravoprimerenie [Law enforcement]*, 5(3), 5–19.

Krom, M.M. (2018). Chto takoe istoricheskii fakt? Evolyutsiia predstavlenii ob osnovnoi kategorii istoricheskogo poznaniia [What is a historical fact? Evolution of ideas about the main category of historical knowledge]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of Perm University. History], 4(43), 5–14.

Kuniaev, N.N. (2020). Zashchitim istoricheskuyu pravdu: k obshcherossiiskomu gosovaniyu 1 iyulia 2020 goda po vneseniyu izmenenii v Konstitutsiyu Rossiiskoi Federatsii [Let's protect the historical truth: for the all-Russian vote on July 1, 2020 on amendments to the Constitution of the Russian Federation]. In *Vestnik VNIIDAD* [Bulletin of VNIIDAD], 3, 3–7.

Lochinskaia, L. Ia., Lamyrev, A.N. (2014). Istorieskaia «pravda» i problem istochnikovedeniia [Historical «truth» and problems of source studies]. *Bakuninskie chteniia* [Bakunin readings]. Yekaterinburg, 92–96.

Makhmadiev, M.M. (1995). *Istorieskaia Pravda I khudozhestvennii vymysel v «Shakhname» Firdousi: Istoriia dinastii Sasanidov* [Historical Truth and Fiction in Firdousi's «Shahname»: The History of the Sassanid Dynasty]. Dushanbe, 22.

Mazaev, V.D. (2021). Poisk novikh smyslov vrodolzhaetsia (po vnesennym popravkam k Konstitutsii RF) [The search for new meanings continues (according to the amendments to the Constitution of the Russian Federation)]. In *Lex Russica (Russkii zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 7(176), 15–31.

Nikiforov, A.L., Sokolova, T.D. (2018). Pravda i istina kak klyuchevie poniatia filosofii istorii: k epistemologicheskoi otsenke istoricheskikh sochinenii [Righteousness and Truth as Key Concepts of the Philosophy of History: towards an Epistemological Assessment of Historical Writings]. In *Voprosy filisofii* [Questions of philosophy], 12, 81–85.

Ozhegov, S.I., Shvedova, N. Yu. (1994). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az, 907.

Pitetskii, V.V. (1993). *Otsenochnye priznaki ugovornogo zakona (sushchnost', funktsii, perspektivy ispol'zovaniia v zakonodatel'stve)* [Evaluative features of the criminal law (essence, functions, prospects of use in legislation)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk state university, 88.

Ponomarev, M.V. (2021). «Istorieskaia pravda» kak doktrinal'naia novella I yuridicheskaya kategoria rossiiskoi Konstitutsii [«Historical Truth» as a Doctrinal Novel and a Legal Category of the Russian Constitution]. *Materialy vserossiiskoi konferentsii «Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire»* [Materials of the All-Russian Scientific Conference «Law and Human Rights in the Modern world»]. Saratov, 252–256.

Presniakov, M.V. (2019). Zashchita istoricheskoi pravdy v Rossii: «mostik» v istoriyu ili «tropinka» dlia obhoda svobody slova [Protection of historical truth in Russia: a “bridge” to history or a “path” to circumvent freedom of speech]. In *Mazhregional'nie Pimenovskie chteniia* [Interregional Pimenov readings], 18(18), 69–77.

Rakitov, A.I. (1982). *Istorieskoe poznanie: Sistemno-gnosseologicheskii podkhod* [Historical cognition: A System-epistemological approach]. Moscow, Politizdat, 303.

Resta, G., Zeno-Zencovich, V. (2013). Judicial «Truth» and Historical «Truth»: The Case of the Ardeatine Caves Massacre. In *Law and history review*, 31(4), 843–886.

Sazonnikova, E.V. (2020). Pamiat' o zashchitnikakh Otechestva I zashchita istoricheskoi pravdy kak konstitutsionnye tsennosti [The memory of the defenders of the Fatherland and the protection of historical truth as constitutional values]. In *Konstitutsionnoe I munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 10, 29–32.

Sherwin, R.K. (1994). Law frames – historical truth and narrative necessity in a criminal case. In *Stanford law review*, 47(1), 39–83.

Sidorova, L.O. (2012). Kontseptualnye podhody k poniatiyu «istoricheskaya pamiat'» [Conceptual approaches to the concept of «historical memory»]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury I iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 4(48), 81–86.

Sinitsina, N.A. (2008). *Istorieskaia pamiat' kak reguliativ sovremennoi kul'tury: sotsiologicheskii analiz* [Historical memory as a regulatory of modern culture: sociological analysis]. Maikop, 24.

Stepanova, A.A. (2021). Istoricheskaja Pravda i khudozhestvennaia istina: smysly p'esy Pitera Schef-fera «Amadei» [Historical truth and artistic truth: the meanings of Peter Schaeffer's play «Amadeus»]. In *Chelovek: obraz i sushchnost [Man: image and essence]*, 3(47), 101–119.

Tishkov, V.A. et al. (2018). *Istoricheskaja pamiat' i rossiiskaia identichnost' [Historical memory and Russian identity]*. Moscow, Russian Academy of Sciences, 508.

Tregubenko, I.A. (2013). *Istoricheskaja pamiat' v kontekste sub'ektivnoi kartiny zhiznennogo puti lichnosti [Historical memory in the context of a subjective picture of a person's life path]*. Saint-Petersburg, 23.

Uakiev, V.S. (2019). Dialektika pravdy i nepravdy v protsesse izucheniia voennoi istorii [Dialectics of truth and falsehood in the process of studying military history]. In *Gumanitarnii vestnik Voennoi akademii Raketnikh voisk strategicheskogo naznacheniiia [Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces]*, 2(15), 62–75.

Usmonova, N.K. (2012). *Istoricheskaja Pravda i publitsisticheskie motivy v romane Dzhumy Odina «Beg Vremeni» [Historical truth and journalistic motives in Juma Odin's novel «The Flight of Time»]*. Dushanbe, 22.

Utemuratova, Kh.K. (1992). *Istoricheskaja Pravda i obrazy istoricheskikh lichnostei v trilogii «Dastan o karkalpakakh» T. Kaipbergenova [Historical truth and images of historical figures in the trilogy «Dastan about Karakalpak» by T. Kaipbergenov]*. Nukus, 21.

Zhurtbaev, T.K. (1992). *Khudozhestvennaia i istoricheskaja Pravda v povestiakh M.O. Auezova «Likhaia godina» i «Vistrel na perevale» [Artistic and historical truth in the novels of M. O. Auezov «Dashing Godina» and «Shot at the pass»]*. Almaty, 26.